

Принцип достоверности как методологический императив судебно-экспертной деятельности

И.А. Григорьев

Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, филиал по Московской области, г. Одинцово 143006, Россия

Аннотация. Автор размышляет о том, можно ли считать достоверность одновременно и принципом права, и функциональным принципом судебно-экспертной деятельности. Раскрывая методологическое значение достоверности, которое не получило еще полного и последовательного законодательного закрепления в процессуальном праве, автор приходит к выводу, что фактически достоверность понимается и применяется российским правосудием и экспертным сообществом именно как принцип права, как императивный показатель качества судебно-экспертной деятельности всех ее процессуальных форм судопроизводства.

Ключевые слова: достоверность, экспертное заключение, экспертные доказательства, методология экспертизы, принцип права

Для цитирования: Григорьев И.А. Принцип достоверности как методологический императив судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Том 13. № 2. С. 36–42. DOI: 10.30764/1819-2785-2018-13-2-36-42

The Principle of Validity: A Methodological Imperative in Forensic Practice

Igor' A. Grigor'ev

The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow Region Branch, Odintsovo 143006, Russia

Abstract. The author reflects on whether validity can be considered both a principle of law and a functional principle of forensic expert activity. Disclosing the methodological significance of validity, which is yet to be fully and consistently incorporated in the procedural law, the author concludes that validity is understood and applied by the Russian justice and expert community precisely as a principle of law, an imperative indicator of the quality of forensic science for all its procedural forms in the legal process.

Keywords: validity, expert opinion, expert evidence, expert methodology, principle of law

For citation: Grigor'ev I.A. The Principle of Validity: A Methodological Imperative in Forensic Practice. *Theory and Practice of Forensic Science*. 2018. Vol. 13. No 2. P. 36–42. (In Russ.). DOI: 10.30764/1819-2785-2018-13-2-36-42

Принципом в науке принято именовать первооснову знаний, исходный пункт руководства к действию¹. Можно ли считать принцип достоверности общим основанием и руководством судебно-экспертной деятельности (СЭД)?

¹ Большой энциклопедический словарь / Под ред. А.М. Прохорова. Изд. 2-е перераб. и доп. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2002. 1456 с. Юридический энциклопедический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева. М.: Советская Энциклопедия, 1987. 528 с.

По-видимому, да, ведь достоверность – это центральное понятие системы судебной экспертизы, представляющее обобщение и необходимость добиваться точного и твердого экспертного знания для целей правосудия. Достоверность, как и внутренняя убежденность, задает общую установку отношения к нормам поведения и деятельности каждого эксперта. Тем не менее этот принцип не выделен законодательно в качестве самостоятельного правового прин-

ципа. Одна из целей статьи – показать, что это необходимо, и особенно важно выделить этот принцип в Федеральном законе от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Достоверность в системе процессуальных принципов доказывания выделяли в отечественной научной литературе еще в советский период [1, с. 43; 2, с. 59]. Однако о ее месте в иерархии системы принципов доказательственного права по сей день не существует единогласия авторов. Одни считают все процессуальные принципы равнозначными [3, с. 114], другие настаивают на том, что принцип права должен быть указан в конституции или в конституционных законах [4]. Третьи высказывают мнение, что существуют принципы, непосредственно составляющие самую сущность процесса судопроизводства [5, с. 60]. Ряд ученых главенствующую роль в системе правосудия отводят именно принципу достоверности – «всестороннему, полному и объективному исследованию всех обстоятельств дела» [6, с. 80].

В методологическом смысле принцип достоверности выступает в качестве исходного положения правосознания и учения о СЭД. Это основная руководящая идея, составляющая методологическую основу теории и предметной области экспертологии [7]. Вместе с тем методологическая поляризация экспертного знания является специфической особенностью его применения в судопроизводстве. Неудивительно, что в судебном процессе стороны состязаются в том, как методологически убедить правосудие принять точку зрения каждой из них. Различия в понимании экспертных результатов определяют решение правосудия по конкретному делу.

Методологическая поляризация по эмпирическим проблемам возникает в судопроизводстве на основе толкования логической связи между убежденностью сторон и противоречиями в их суждениях относительно выводов эксперта. Причем поляризация сохраняется, несмотря на то что по большинству гносеологических проблем достигнут научный консенсус. Используя методики и понятийный аппарат экспертологии, можно констатировать, что в конечном счете поляризация мнений о достоверности экспертизы происходит по трем основным причинам.

Во-первых, экспертная информация может обрабатываться в двух режимах: беглом, ассоциативном, с использованием эвристического анализа низкого уровня и медленном, с основательным и углубленным эвристическом проникновении в существо факта. В этой связи ряд зарубежных ученых считают эвристические причины основными факторами поляризации оценок экспертного знания [8, 9], полагая, что концентрация степени внимания и различия в способах восприятия вполне могут побудить правосудие недооценивать экспертное знание, если только оно не основано на чисто технических данных и естественно-научных выводах [10, 11].

Во-вторых, поляризация мнений о достоверности экспертизы обусловлена правовым конфликтом интересов участников процесса и соответствующей мотивацией эксперта. Рассуждение эксперта зачастую бывает объективно связано с определенной целью судебного доказывания, под которую вольно или невольно подгоняется результат. При этом гарантии беспристрастности эксперта могут быть формально соблюдены. Кроме того, на результат экспертизы может влиять принадлежность эксперта к той или иной социальной группе, научной школе и даже к определенной культурно-нравственной парадигме восприятия и интерпретации действительности. Если суждение о некотором важном для правосудия факте связано с названными обстоятельствами, то поляризация оценок достоверности экспертизы неизбежна. Таким образом, достоверность предстает как форма самообмана идентичности, а эксперты, подсознательно мотивированные, не могут противостоять эмпирическим доминантам своего круга экспертного знания.

В-третьих, поляризация мнений о достоверности экспертизы происходит на стыке идеологии и свойств личности. «Карательное правосудие», «авторитарный стиль», «бюрократизация» и прочие черты судопроизводства, возникающие в действительности, предопределяют познавательный стиль судебной экспертизы. Они могут порождать оценки достоверности экспертного знания в стиле рефлексированной консервативности к эмпирическим доказательствам либо во враждебном критичном восприятии их по отношению к господствующим в обществе идеологическим предпочтениям [12, 13]. Подобные доминанты экспертного знания подтверждаются историческими фактами

становления и развития СЭД, но при этом имеется относительно мало исследований, как они соотносятся друг с другом и каковы движущие силы, соединяющие экспертное восприятие и идеологию.

Таким образом, принцип достоверности в методологическом смысле способствует необходимому и достаточному процессу экспертного исследования с учетом всех трех факторов поляризации мнений о достоверности экспертизы. Осознанное рассуждение эксперта воспринимается правосудием как знание эвристически безупречное, мотивированное исключительно коррелятами беспристрастного процесса познания, лишённое всякой субъективной предвзятости и преднамеренного искажения. В этом усматривается методологическая сила и значение принципа достоверности.

В логическом смысле принцип достоверности – это обобщение и распространение положений о том, что результат деятельности эксперта должен быть достоверным. Достоверность есть центральное понятие, основание экспертной системы. Это понимание распространяется на все явления судебно-экспертной области, начиная от исходных данных, положенных в основу экспертного изучения, и кончая выводами эксперта, представляемыми правосудию.

Восходящий к Аристотелю взгляд на логику, согласно которому оценка достоверности суждения подчиняется законам дедукции, тогда как доказывание в судебном процессе подчиняется законам индукции, рождает когнитивную проблему различия дедуктивной и индуктивной логики при оценке достоверности экспертного знания. Считается, что они разделяют характеристики познания в том смысле, что сделанные на их основе выводы не зависят от предметного содержания, юридического или эмпирического. Они дают правосудию возможность расширить экспертное знание по сравнению с тем, что даёт наблюдение. Логические законы обеспечивают надёжность, правдоподобие, безусловную достоверность экспертного знания. Однако как дедуктивные, так и индуктивные выводы могут быть дискредитированы. То, что, по мнению эксперта, было дедуктивно важным, может быть опровергнуто индуктивными посылками обобщения разрозненных доказательств, полученных в судебном процессе. Следовательно, дедуктивная логика эксперта не имеет никакой творческой или

регулятивной силы в рамках судопроизводства. Дедуктивные выводы не являются демонстрацией доказательств, они всего лишь способны передать довод, но не внести ясность истины. Тем не менее принцип достоверности применим не только к дедуктивно и индуктивно достоверным выводам, но и к тем, которые называются абдуктивными.

Логика правосудия не состоит из чисто формальных правил, она допускает неформализованные выводы суда, обобщающего частные случаи (индукция перечисления). Считая убедительным и даже неопровержимым усмотрение суда, процессуальное право опровергает убедительность логического значения доказательств, даже если эмпирические данные неоспоримы. В то же время недемонстративные выводы могут быть как рациональными, так и достоверными. Недемонстративный вывод – догадка, интуитивное рассуждение – может быть положен в основу акта правосудия.

Роль логики в процессуальном доказывании вполне позитивна, она сводится к исключению недостоверных догадок. Поэтому принцип достоверности облегчает решение логической проблемы соотношения дедукции и индукции. Отказавшись от предрассудка, будто бы экспертное знание нуждается в особом оправдании или обосновании, достоверность предстает как уже логически обоснованный процессуальный элемент. Основополагающее теоретическое значение принципа достоверности состоит в том, что сама по себе достоверность как идея не нуждается в доказывании и не требует дополнительной аргументации. Достоверность – это аксиома или методологический постулат устройства системы экспертного знания.

В субъективном смысле принцип достоверности определяет внутреннее убеждение эксперта, его отношение к своей работе и ее общественному результату – сведениям, которыми руководствуется правосудие. Этот принцип работы – так сказать, максима – характеризует отношение экспертов к правосудию как социальной среде. Следовательно, достоверность – это этическая норма поведения эксперта. Она одновременно является исходной точкой и руководящим началом как для познавательной деятельности эксперта, так и для практической реализации результатов этой деятельности в судопроизводстве. Кроме того, принцип достоверности раскрывает

особенности способа выполнения процессуальных требований в СЭД.

До появления новейших экспертных технологий, например анализа ДНК, электронного микроанализа, полиграфа и др., считалось, что риск субъективных ошибок экспертов несущественен. Особенно это относилось к самоочевидным случаям, когда участники процесса не ставили под сомнение выводы эксперта. Вместе с тем закон всегда признавал возможность ложных заключений экспертов и устанавливал за это уголовную ответственность. Однако по мере внедрения новых методик экспертных исследований во всех правовых системах вскрываются недостатки «непогрешимости правосудия» в виде судебных ошибок и использования ложных заключений экспертов [14]. Неправомерные субъективные оценки и ложные выводы становятся широко признанной проблемой правосудия. Суды не во всех случаях могут выявить ложное заключение эксперта. Тем не менее такая практика существует, но во всех системах правосудия суды оценивают допустимость заключения эксперта с точки зрения его надежности, принимая во внимание и степень доверия к личности эксперта либо к экспертному учреждению.

В то же время суды не всегда способны выявить ложность заключений без помощи дополнительной экспертизы, зачастую отложенной по времени. Так, широкое применение новейшего анализа ДНК [15] вскрыло массу случаев осуждения невиновных, оговоривших себя, наряду с тем, что имелись соответствующие экспертные заключения. В частности, в США на основании дополнительных ДНК-экспертиз в минувшее десятилетие регистрируется ежегодно от 6 до 16 % случаев реабилитации осужденных [16]. Поскольку признание рассматривается как «царица доказательств» не только в отечественном, но и в зарубежном правосудии, риск судебных ошибок высок повсеместно, поэтому допустимость заключения эксперта стала проблемой правосудия международного масштаба. Имеется множество зарубежных публикаций по исследованию самооговора (ложного признания) в связи с неправомерными выводами экспертов и принуждению к самооговору [17–19].

Эксперты не во всех случаях субъективно подготовлены в вопросах научных дисциплин. Содержание выводов экспертизы может изменяться от случая к случаю и от эксперта к эксперту. Эксперты могут иметь

разные целевые установки. Цель большинства – раскрыть суду научные данные, предоставив состав и структуру соответствующего знания, чтобы суд мог оценить факты по конкретному делу. Но такая в большинстве случаев законная и полезная целевая установка имеется не всегда. Эксперт может дать ложное мнение об определенном факте, исходя из ложных данных, имевшихся в его распоряжении. В отечественной литературе субъективный аспект недостоверности также рассматривался; в частности, следует согласиться с мнением профессора Е.Р. Россинской о том, что «заведомо ложное заключение – это умышленное действие, направленное на сознательное и целенаправленное игнорирование или умалчивание при исследовании существенных фактов и свойств объекта экспертизы» [20, с. 133]. «Причина ошибочности экспертного заключения может быть не только в допущенных экспертом ошибках. Экспертное исследование может быть выполнено безупречно, сделанные выводы полностью соответствовать полученным результатам. Но если исходные данные были ошибочными или исследуемые объекты не имели отношения к делу, были фальсифицированы, то и заключение эксперта в аспекте установления истины по делу окажется ошибочным» [20, с. 142].

В объективном функциональном значении достоверность представляется основой устройства или функционирования любого вида экспертной деятельности. После того как принцип достоверности будет сформулирован в законе, он станет исходным пунктом объяснения того, как понимать вообще всякое доказательство, выводимое из мнений и заключений о фактах, из чего надо исходить правосудию и чем нужно руководствоваться при оценке СЭД. В настоящее время, как было показано выше, «достоверность» лишь упоминается в законодательстве в связи экспертной деятельностью. Поэтому законодательно еще предстоит раскрыть этот принцип применительно к каждой конкретной функции эксперта с разбивкой функциональных значений по видам судебных экспертиз.

Место принципа достоверности в системе принципов правосудия и СЭД двояко: он одновременно выступает как исходный принцип всякого познавательного процесса доказывания и как принцип бытия всей системы экспертизы и судебного разби-

рательства. Для отечественной правовой системы в целом принцип достоверности имеет межотраслевое значение. Он в равной степени ценен как для уголовного, так и для гражданского процесса и других отраслей. По сути, в любой сфере правосудия обнаруживаются проявления достоверности. Ведь правосудие невозможно без правды суждений или знаний, воспринимаемых как достойные веры. Поэтому достоверность имеет межотраслевой нелинейный субординационный характер в правовой системе. В существовании подобных межотраслевых принципов нет ничего необычного и нового, об этом не раз говорили теоретики права [21, с. 126; 22, с. 164–165].

В системе принципов права достоверность как ключевая идея верности, достоинства и доказательственного (состязательного) характера деятельности судебной власти, следует из норм Конституции Российской Федерации, в частности ст. 46–50, 118, 120. Межотраслевое значение принципа достоверности состоит в том, что его смысловое содержание не меняется в зависимости от законодательной формы его закрепления. Он имеет одинаковую ценность в достижении целей судопроизводства любого вида, представляет собой правовое положение общесистемного и руководящего значения.

Этот принцип не конкурирует с отраслевыми принципами права и тем более не противоречит им, поскольку плавно вписывается в них как элемент системы, будь то уголовный процесс [23, 24], гражданский процесс [25], арбитраж или опе-

ративно-разыскная деятельность. Везде функционирование принципа достоверности актуально и значимо наряду с другими принципами системы. Следует согласиться с тем, что, «обладая высокой степенью общности, опосредуясь в других правилах, принципы синхронизируют всю систему процессуальных норм и придают глубокое единство механизму уголовно-процессуального воздействия. Именно такая взаимосвязь общих и конкретизирующих норм обеспечивает единство процессуального порядка по всем уголовным делам и соблюдение законности в уголовном судопроизводстве» [26]. Принцип в системе права не может быть исключением из правил в тех случаях, когда изменения норм и институтов идут вразрез с принципами существующей модели судопроизводства, это неизбежно приводит к ее ломке либо к деформации [27, 28]. Однако благодаря неделимости системы она обладает способностью к сохранению своей целостности, самовосстановлению [29, с. 70].

Таким образом, методологическое значение принципа достоверности состоит в его универсальности как императивного регулятора судебно-экспертной деятельности, независимо от различий классов, родов и видов судебных экспертиз, типизации их объектов, задач, методов экспертного исследования, а также материальных ситуаций и процессуальных форм использования возможностей этого принципа в судопроизводстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Добровольская Т.М. Принципы советского уголовного процесса. М.: Юрид. лит., 1971. 200 с.
2. Стецовский Ю.И., Ларин А.М. Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту. М.: Наука, 1988. 320 с.
3. Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М.: Проспект, 2003. 142 с.
4. Подольный Н.А. Система принципов уголовного судопроизводства – система нравственных ценностей в уголовном процессе России // Lex Russica. 2014. № 4. С. 429–436. DOI: 10.7256/1729-5920.2014.4.9386
5. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс. Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2008. 704 с.
6. Пашкевич П.Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. М.: Юрид. лит., 1984. 175 с.

REFERENCES

1. Dobrovolskaya T.M. *Principles of Soviet criminal procedure*. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1971. 200 p. (In Russ.).
2. Stetsovskii Yu.I., Larin A.M. *Constitutional principle of ensuring the defendant's right to counsel*. Moscow: Nauka, 1988. 320 p. (In Russ.).
3. Mikhailovskaya I.B. *Objectives, functions and principles of Russian criminal procedure (criminal procedural form)*. Moscow: Prospekt, 2003. 142 p. (In Russ.).
4. Podol'nyi N.A. A system of principles of criminal procedure: A system of moral standards in Russia's criminal procedure. *Lex Russica*. 2014. No 4. P. 429–436. (In Russ.). DOI: 10.7256/1729-5920.2014.4.9386
5. Smirnov A.V., Kalinovskii K.B. *Criminal procedure: a textbook*. 4th ed. Moscow: KNORUS, 2008. 704 p. (In Russ.).
6. Pashkevich P.F. *Procedural law and effectiveness of criminal procedure*. Moscow: Yurid. lit., 1984. 175 p. (In Russ.).

7. Россинская Е.Р. Современная судебная экспертология – наука о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2015. № 4 (40). С. 10–18.
8. Loewenstein G.F., Weber E.U. Risk as feelings // *Psychological Bulletin*. 2001. No 127. P. 267–287. DOI: 10.1037//0033-2909.127.2.267
9. Stanovich K.E., West R.F. Individual differences in reasoning: Implications for the rationality debate? // *Behavioral and Brain Sciences*. 2000. No 23. P. 645–665. URL: <http://dx.doi.org/10.1017/S0140525X00003435>
10. Shenhav A., Rand D.G., Greene J.D. Divine intuition: Cognitive style influences belief in God // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2012. No 141. P. 423–428.
11. Sherman D.K., Cohen G.L. Accepting threatening information: Self-affirmation and the reduction of defensive biases // *Psychological Science*. 2002. No 11. P. 119–123.
12. Jost J.T., Glaser J., Kruglanski A.W. Political conservatism as motivated social cognition // *Psychological Bulletin*. 2003. No 129. P. 339–375.
13. Kahan D.M. Ideology, Motivated Reasoning, and Cognitive Reflection // *Judgment and Decision Making*. 2013. No 8. P. 407–424.
14. Cutler B.L., Findley K.A., Loney D. Expert Testimony on Interrogation and False Confession // *UMKC Law Review*. 2014. Vol. 82. No 3. (Univ. of Wisconsin. Legal Studies Research Paper. No 1256). P. 589–622. URL: <https://ssrn.com/abstract=2436517>
15. Хорошева А.Е. Криминалистические проблемы исследования и оценки заключения молекулярно-генетической экспертизы в судебном разбирательстве уголовных дел // *Российский следователь*. 2017. № 7. С. 11–14.
16. Garrett B.L. Judging Innocence // *Columbia Law Review*. 2008. No 108. P. 55–142.
17. Kassin S.M., Sukel H. Coerced Confessions and the Jury: An Experimental Test of the «Harmless Error» Rule // *Law & Human Behavior*. 1997. No 21. P. 27–46. <https://doi.org/10.1023/A:1024814009769>
18. Redlich A.D., Ghetti S., Quas J.A. Perceptions of Children During a Police Interview: A Comparison of Suspects and Alleged Victims // *J. Applied Soc. Psych.* 2008. No 38. P. 705–735.
19. Henkel L.A. Jurors' Reactions to Recanted Confessions: Do the Defendant's Personal and Dispositional Characteristics Play a Role // *Psychology, Crime & Law*. 2016. Vol. 14. Issue 6. P. 565–578.
20. Россинская Е.Р. Ошибки судебной экспертизы: классификация, выявление, предупреждение // *Союз криминалистов и кримиологов*. 2014. Т. 1. № 1. С. 132–143. DOI: 10.7256/2310-8681.2014.1.12831
21. Явич Л.С. Общая теория права. Ленинград: ЛГУ, 1976. 285 с.
22. Борисов Г.А. Теория государства и права. Учебник. Белгород: БелГУ, 2007. 292 с.
23. Добровольская Т.М. Принципы советского уголовного процесса. М.: Юрид. лит., 1971. 200 с.
7. Rossinskaya E.R. Modern judicial expertology – the science of forensics and forensic activities. *Theory and practice of forensic science*. 2015. No 4 (40). P. 10–18. (In Russ.).
8. Loewenstein G.F., Weber E.U. Risk as feelings. *Psychological Bulletin*. 2001. No 127. P. 267–287. DOI: 10.1037//0033-2909.127.2.267
9. Stanovich K.E., West R.F. Individual differences in reasoning: Implications for the rationality debate? *Behavioral and Brain Sciences*. 2000. No 23. P. 645–665. URL: <http://dx.doi.org/10.1017/S0140525X00003435>
10. Shenhav A., Rand D.G., Greene J.D. Divine intuition: Cognitive style influences belief in God. *Journal of Experimental Psychology: General*. 2012. No 141. P. 423–428.
11. Sherman D.K., Cohen G.L. Accepting threatening information: Self-affirmation and the reduction of defensive biases. *Psychological Science*. 2002. No 11. P. 119–123.
12. Jost J.T., Glaser J., Kruglanski A.W. Political conservatism as motivated social cognition. *Psychological Bulletin*. 2003. No 129. P. 339–375.
13. Kahan D.M. Ideology, Motivated Reasoning, and Cognitive Reflection. *Judgment and Decision Making*. 2013. No 8. P. 407–424.
14. Cutler B.L., Findley K.A., Loney D. Expert Testimony on Interrogation and False Confession. *UMKC Law Review*. 2014. Vol. 82. No 3. (Univ. of Wisconsin. Legal Studies Research Paper. No 1256). P. 589–622. URL: <https://ssrn.com/abstract=2436517>
15. Khorosheva A.E. Forensic problems of review and evaluation of a molecular genetic test report at court hearing of criminal cases. *Russian Investigator*. 2017. No 7. P. 11–14. (In Russ.).
16. Garrett B.L. Judging Innocence. *Columbia Law Review*. 2008. No 108. P. 55–142.
17. Kassin S.M., Sukel H. Coerced Confessions and the Jury: An Experimental Test of the «Harmless Error» Rule. *Law & Human Behavior*. 1997. No 21. P. 27–46. <https://doi.org/10.1023/A:1024814009769>
18. Redlich A.D., Ghetti S., Quas J.A. Perceptions of Children During a Police Interview: A Comparison of Suspects and Alleged Victims. *J. Applied Soc. Psych.* 2008. No 38. P. 705–735.
19. Henkel L.A. Jurors' Reactions to Recanted Confessions: Do the Defendant's Personal and Dispositional Characteristics Play a Role. *Psychology, Crime & Law*. 2016. Vol. 14. Issue 6. P. 565–578.
20. Rossinskaya E.R. Errors in forensic science: classification, detection, prevention. *Union of criminalists and criminologists = Soyuz kriminalistov i kriminologov*. 2014. Vol. 1. No 1. P. 132–143. (In Russ.). DOI: 10.7256/2310-8681.2014.1.12831
21. Yavich L.S. *General theory of law*. Leningrad: LGU, 1976. 285 p. (In Russ.).
22. Borisov G.A. *Theory of state and law: a textbook*. Belgorod: BelGU, 2007. 292 p. (In Russ.).
23. Dobrovol'skaya T.M. *Principles of Soviet criminal procedure*. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1971. 200 p. (In Russ.).

24. Чередниченко Е.Е. Принципы уголовного законодательства: понятие, система, проблемы законодательной регламентации. М.: Wolters Kluwer, 2007. 192 с.
25. Решетникова И.В. Конкуренция принципов в гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2013. № 5. С. 10–20.
26. Громов Н.А., Николайченко В.В. Принципы уголовного процесса, их понятие и система // Государство и право. 1997. № 7. С. 33–40.
27. Проценко В. Критерий систематизации принципов уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2005. № 1–2. С. 87–88.
28. Головки Л.В. О проблемах российского уголовного процесса // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2014. № 1. С. 75–80.
29. Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс. 2-е издание, перераб. и доп. М.: Эксмо, 2008. 816 с.
24. Cherednichenko E.E. *Principles of criminal legislation: concept, system and problems of legislative regulation*. Moscow: Wolters Kluwer, 2007. 192 p. (In Russ.).
25. Reshetnikova I.V. Competition of Principles in Civil Process. *Herald of Civil Procedure = Vestnik grazhdanskogo protsesssa*. 2013. No 5. P. 10–20. (In Russ.).
26. Gromov N.A., Nikolajchenko V.V. Principles of criminal procedure, their concept and system. *State and Law*. 1997. No 7. P. 33–40. (In Russ.).
27. Protsenko V. Criteria for systematization of the principles of criminal procedure. *Russian Justitia = Rossiiskaya yustitsiya*. 2005. No 1–2. P. 87–88.
28. Golovko L.V. Problems of Russian criminal procedure. *The Journal Vestnik of the Law Faculty of Southern Federal University*. 2014. No 1. P. 75–80.
29. Grigor'ev V.N., Pobedkin A.V., Yashin V.N. *Criminal procedure*. 2nd ed. Moscow: Eksmo, 2008. 816 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Григорьев Игорь Александрович – начальник филиала Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации по Московской области; e-mail: fmo@sudexpert.ru.

ABOUT THE AUTHOR

Grigor'ev Igor' Aleksandrovich – Head of the Moscow Region Branch of the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: fmo@sudexpert.ru.